

A black and white portrait of a young man with a mustache, wearing a dark military cap and a high-collared uniform. He is looking slightly to the left with a serious expression. The background is dark and textured.

Герой этой книги — комиссар
гражданской войны
Петр Петрович Герасимов.
Много дорог пришлось
ему исколесить, выполняя
поручения партии:
Украина и Оренбуржье,
Средняя Азия и снова
Украина...
И всюду, куда бы
ни бросала его
революционная судьба,
он оставался комиссаром.

В. ГЕРАСИМОВ

МОЛОДОСТЬ КОМИССАРА

В. ГЕРАСИМОВ

МОЛОДОСТЬ КОМИССАРА

МОСКВА
ИЗДАТЕЛЬСТВО
ПОЛИТИЧЕСКОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ
1987

ББК 63 3(2)712.8
Г37

Г $\frac{0505030102-139}{079(02)-87}$ 139—87

© ПОЛИТИЗДАТ, 1987 г.

ПРОТИВ ИНТЕРВЕНТОВ

«Станцию Долинская захватили григорьевцы. Советская власть разогнана. Начались аресты. Готовятся эшелоны для продвижения на юг». Комиссар Николаевского железнодорожного узла Петр Герасимов еще раз перечитал только что полученную телеграмму. «Долинская, Долинская, — машинально повторял он. — Они же в пятидесяти верстах!»

Всего полтора месяца назад, 14 марта 1919 года, Николаев был освобожден Красной Армией от интервентов. С огромным трудом железнодорожники восстановили поврежденную колею, отремонтировали паровозы, наладили движение на Харьков... И вот на линии бесчинствуют банды Григорьева. Этого надо было ожидать. Атаман пошел на предательство в самый трудный момент, когда основные части Красной Армии вступили в ожесточенные бои с наступающими на Донбасс денikinцами. В городе остались лишь небольшие отряды рабочих и матросов. Да рота спартаковцев¹. Пожалуй, наиболее боеспо-

¹ Спартакowцы — члены «Союза Спартака», революционной организации германских левых социал-демократов.

собная, состоящая из бывших солдат кайзеровской армии, перешедших на сторону революции.

А ведь не так давно, возглавив часть крестьянских повстанческих отрядов, боровшихся против немецко-австрийских оккупантов, Григорьев дрался вместе с нами за Херсон, Колосовку, Одессу. Влившись в Красную Армию, его отряды были сведены в дивизию, он назначен ее командиром, но по-прежнему называл себя «атаманом». Хвастлив, тщеславен не в меру. Воинскую дисциплину не признавал. Представителей Реввоенсовета к штабу и близко не подпускал. Ворвется в Николаев — вот уж даст разгуляться анархии...

Каких только захватчиков своих и иноземных не перевидал город за прошедший год! Здесь пытались обосноваться немцы, англичане, греки. Грабили его гайдамаки и петлюровцы.

Последними продефилировали по улицам города французские моряки в белых беретах с помпонами. Их корабли спешно покидали порт: матросов увезли из страны, где революционные идеи оказались столь заразительными.

В город пришла весна. Нежной зеленью покрылись ветви акаций, заklubились кусты сирени. Жарко припекало солнце, и земля подсыхала прямо-таки на глазах. Теплый ветер гонял пожухлую прошлогоднюю листву, грязные клочки объявлений.

На заводах бывших акционерных обществ «Наваль» и русского судостроительного «Руссуд» рабочие убрали кирпичи и мусор из цехов, пустили часть станков; на крупнейших некогда российских судостроительных предприятиях осталось всего несколько сот человек. Работали главным образом мелкие кустарные мастерские.

Трудно налаживалась жизнь. Город не покидала тревога. Герасимов убеждался в этом каждый день, когда проходил по притихшим улицам. Население жадно ловило каждую новость. Любопытные толпились у здания

городского Совета, терпеливо ожидая, когда вывесят на доске местную газету «Известия» или очередной декрет.

Один слух сменял другой. Источником их был базар, куда с рассветом съезжались крестьяне. В обмен на вещи или дензнаки там можно было добыть продукты.

В окрестных селах хозяйничали вооруженные банды из кулаков, богатых хуторян. Они враждовали с властями, сводили счеты друг с другом.

Городская буржуазия и многие чиновники жили в ожидании, когда придут деникинцы и наведут желанный порядок, а пока саботировали мероприятия вновь избранного Совета.

Безбрежная степь окружала город-порт у Бугского лимана. Единственный крупный транспортный путь, связывающий его с огромной страной, — рельсовый. Но как же легко его прервать!

Комиссар Николаевского железнодорожного узла Петр Герасимов отчетливо осознавал, какая ответственность лежит на нем и его товарищах. Ведь они обязаны поддерживать колею в исправном состоянии, обеспечить дороге жизнь. Но по ней двигаются сейчас эшелоны грабителей, мародеров, убийц. Как остановить их?

Что может сделать небольшой отряд железнодорожников?

Беседуя с людьми, разясняя создавшуюся обстановку, комиссар не уставал убеждать: «Мы не одни. За нами — боевые отряды Николаевского гарнизона. За нами — вся Красная Армия, которая обязательно придет на помощь. Надо внимательно следить за перемещениями врага, быть готовыми дать отпор внезапному нападению, возможным провокациям. Необходима революционная бдительность».

А пока на станции Николаев еще тихо. Нагретые майским солнцем шпалы пахнут смолой. Со стороны депо слабо доносится металлический звон, словно из сельской кузни.

Белое приземистое здание вокзала вытянулось вдоль колен. В угловой комнатке, где расположился комиссар, сосредоточилась вся станционная жизнь. Здесь решаются технические, военные, продовольственные и многие другие вопросы, от которых зависит успешная работа железнодорожников.

Тяжелые раздумья Герасимова над тем, какие меры принять для охраны дороги, внезапно были прерваны.

Распахнулась дверь, и в комнату вошел Леонид Бунюс, заведующий транспортным отделом ЧК. Коренастый, крепкого сложения. Шагнул к столу — и в комнате стало тесно.

— Про измену Григорьева слышал?

Герасимов мрачно кивнул.

— Дождались. Бандиту поверили...

— Кто же мог знать?..

— Я знал. — Когда волновался, Бунюс начинал говорить с сильным латышским акцентом. — Знал, что этот негодяй будет изменять. Всем изменял. Штабс-капитан царской армии, полковник у Петлюры. Теперь к Деникину вот-вот перекинется. Мерзавец и погромщик.

— На нашей стороне воевал, и неплохо.

— Много навоевал за три месяца?! Больше грабил да мозги вкручивал крестьянам. Его ругать стеснялись, думали, переболеет партизанщиной, потом поймет, на чьей стороне правда. Черта с два. Приказ был двинуть дивизию в Бессарабию, для поддержки Венгерской советской республики, а он повернул на Елизаветград. Тянется к родной Херсонщине, кулацкому гнезду. Таких к стенке вовремя ставить надо...

— Рано или поздно, свое получит сполна.

— Смотри, что творит. — Бунюс достал из бокового кармана сложенный вчетверо листок плотной бумаги. — Мало их было, так еще один «Универсал» — воззвание, написанное высоким стилем. «Народ украинский, народ измученный... Вместо земли и воли тебе насильно навя-

зывают коммуны, чрезвычайку и комиссаров с московской обжорки». — Бунюс потряс в воздухе листком. — Это вступление. А теперь дело: «Вот мой приказ: в три дня мобилизуйте всех тех, кто способен владеть оружием, и немедленно займите все станции железных дорог и на каждой станции поставьте своих комиссаров. Каждая волость, каждое село, формируйте отряды и идите в свой уездный город, от каждого уездного города из ваших отрядов по четыреста лучших бойцов пошлите на Киев и по двести бойцов пошлите на Харьков, если есть оружие, пошлите с оружием, нет оружия — пошлите с вилами. Но мой приказ прошу исполнить — и победа за нами. Все остальное сделаю сам». — Бунюс потер ладонью крепкий подбородок.

— Некоторые верят, идут за ним. — Герасимов резко поднялся. — Авантюра настоящая...

— Слушай дальше. Этот демагог просит крестьян поделиться ржавой винтовкой и последним куском хлеба. А заканчивает так: «Я иду вперед, ибо так велит народная совесть. Резерв мой — ты, народ украинский, и от тебя зависит судьба твоя». Подпись: «Атаман партизанов (так в документе.— *Ред.*) Херсонщины и Таврии Григорьев».

Бунюс скомкал листок, отшвырнул.

— Давно не читал таких обращений. Совсем в духе царских манифестов. Как он рвется к власти!

Привычным движением, поправив тяжелую кобуру, Бунюс продолжал уже более сдержанно:

— В городе поднимает голову скрытая контра. Неспokoйно у флотских: анархисты и эсеры митингуют. «Универсал» и на них рассчитан.

— Да, там матросы-новобранцы, полуграмотные крестьянские парни, темные, не разобрались еще. Потому и попадают под влияние всяких брехливых ораторов. Большие надежды на Григорьева возлагают и левые эсеры. Помнишь, какую резолюцию они вынесли на своем съезде в нашем городе? «Сделать отряд Григорьева центром

военных сил под флагом партии». Призывали записываться к нему в отряд...

— Есть великое дело мировой революции. Кто не за нее, тот против.

— Но ведь не все еще понимают логику классовой борьбы. Надо попытаться объяснить им, растолковать. Нельзя считать их всех своими врагами.

— Слова, теория. Конечно, я понимаю: ты пропагандист, привык разъяснять, убеждать. Но у нас нет времени для этого. Дни и месяцы спрессованы плотно. Разговоров хватает в городском Совете. Пусть там спорят меньшевики, эсеры, анархисты. Революция — это единая воля, собранная в кулак. Нет порядка — нет победы. Сейчас время действий, стреляют пушки. Разве не помнишь, как было в восемнадцатом, при немцах? Такие они пришли вежливые, внимательные. А когда рабочие выступили против, восстание потопили в крови. Ты и сам чуть не погиб, председатель ревкома... Только наша решительная борьба да революция в Германии заставили их уйти.

— Все это так, да не совсем. И слово — оружие верное, — гнул свое Герасимов. — Разве нам не удалось распропагандировать даже солдат австро-германской армии? Немцы, венгры пополнили роту спартаковцев. Дерутся они самоотверженно. И среди григорьевцев, и среди флотских немало обманутых, случайно захваченных кулацкой стихией. Вот их и надо перетянуть.

— Случайно или не случайно, — прервал Герасимова Бунюс, — но они пошли на нас войной, не на жизнь, а на смерть. Так что давай лучше думать, как привести в боевую готовность прежде всего отряд железнодорожников, как усилить охрану станции. Да и согласовать все с военным советом города надо.

Герасимов не стал больше спорить, понимал: хоть резок не в меру Леонид Бунюс, но зато верный товарищ, настоящий революционер. Всем запомнилось, как упорно отстаивал он интересы латышских рабочих, вместе с ко-

торыми эвакуировался из Латвии в пятнадцатом году. Умелый слесарь, он на заводе «Руссуд» вскоре стал уважаемым человеком, профсоюзным активистом. Его земляки, державшиеся поначалу обособленно, упрекали Бунюса в том, что отрывается от землячества, от «своих».

— Для меня свои — все угнетенные, — отвечал он.

Непримиримый к открытым врагам революции, он был равно непримирим и к тем, кто колеблется, сомневается.

В те трудные дни весны девятнадцатого года железнодорожный транспорт находился в крайне тяжелом состоянии. Сплошь и рядом разрушенная колея, взорванные мосты. К началу 1919 года на железных дорогах Украины сохранились всего 330 паровозов, а из 15 тысяч вагонов чуть ли не половина нуждались в ремонте. Успех военных действий находился в прямой зависимости от работы транспорта. Это было очевидно как дважды два четыре.

Еще в конце ноября 1918 года на железных дорогах страны было введено военное положение. По декрету Совета Народных Комиссаров все работники транспорта считались теперь призванными в ряды Красной Армии. Герасимову пришлось немало приложить усилий, чтобы содержание этого правительственного постановления довести до сознания каждого работающего, чтобы дисциплина, исполнительность отвечали высоким требованиям революционного порядка.

К сожалению, не все железнодорожники поняли важность, прямо-таки жизненную необходимость этой суровой меры. Кое-кто до сих пор ссылается на постановления Всероссийского исполнительного комитета Союза железнодорожных рабочих и служащих (Викжель). Комитет этот существовал с августа 1917 года до конца января 1918 года и целиком находился под влиянием эсеров и меньшевиков. Заявив о своем якобы «нейтралитете», комитет в то же время потребовал образования правительства из всех социалистических партий, от-

странения В. И. Ленина с поста Председателя СНК, то есть активно проводил контрреволюционную политику. Однако на большинстве железных дорог страны, и на Южной дороге в частности, верх одержали сторонники большевиков, саботажники были отстранены от руководства.

Состоявшийся в январе — феврале 1918 года Чрезвычайный Всероссийский железнодорожный съезд резко осудил деятельность Викжеля, призвал местные железнодорожные комитеты к борьбе с разрухой.

С докладом на съезде выступил В. И. Ленин. «...Если большинство железнодорожных организаций объединится и поставит своей задачей поддержку Советской власти, — сказал он, — то только тогда все жулики, саботажники, капиталисты и эксплуататоры, весь этот пережиток буржуазного общества будет сметен беспощадной борьбой и только тогда возможно будет организовать правильное железнодорожное хозяйство и получить полное освобождение рабочих, солдат и крестьян от власти угнетателей, только тогда мы получим социализм».

Эта речь стала программой действий для большевистских ячеек на транспорте.

В мае 1919 года Центральным Комитетом РКП(б) было признано в целях лучшей организации обороны Советской Республики «безусловно необходимым на все время социалистической оборонительной войны объединение железнодорожного транспорта и управления железнодорожной сетью на всем пространстве братских социалистических республик под руководством и управлением Народного комиссариата путей сообщения РСФСР». Любым другим организациям в центре и на местах запрещено вмешиваться в дела транспорта. В лице народного комиссара путей сообщения и ответственных перед ним работников на местах, как было сказано, «воплощается вся полнота диктаторской власти пролетариата» в области транспорта.

Декретом СНК РСФСР были определены три основных требования к управлению транспортом: централизация управления, последовательное осуществление принципа единоначалия, строжайшая дисциплина труда.

С введением военного положения все силы и средства следовало бросить на то, чтобы обеспечить выполнение боевых заданий. Были назначены чрезвычайные военные комиссары, наделенные широкими полномочиями. Им подчинили всех служащих и все учреждения дороги. Военным комиссарам вменили в обязанность налаживать перевозки, бороться с саботажем, вредительством, спекуляцией.

Здесь же, на юге Украины, где идут непрерывные бои, где бесчинствуют бандитские шайки, положение с транспортом особенно сложное. Речь идет уже не о том, как ускорить движение поездов. 15 верст в час по нынешним временам, можно считать, хорошая скорость. Не то что прежде — 60 верст в час. Теперь главная забота состоит в том, чтобы перевезти с одного участка на другой воинскую часть, перебросить бронепоезд и обойтись без аварий и катастроф. Дорогу необходимо все время защищать от нападений. Каждый день приходится об этом говорить с людьми. Мужество и собранность требуются от всех и каждого.

Белеет на стене лист — обращение к железнодорожникам. Писал он обращение вместе с Бунюсом вот за этим самым столом.

Герасимов перечитывает его, хотя, кажется, помнит чуть ли не наизусть:

«Внутренние враги Советской власти не останавливаются ни перед какими методами борьбы, для того чтобы удушить власть рабочих и беднейшего крестьянства. Одним из главных орудий борьбы они избрали окончательное расстройство транспорта путем порчи путей, паровозов, вагонов и т. д.

Товарищи железнодорожники! Если кому известно о взрывах или порче пути при отступлении добровольческих банд, во время наступления на город Николаев атамана Григорьева, предлагаю немедленно сообщить в железнодорожную чрезвычайную комиссию.

Рабочие дружным революционным натиском свергли власть буржуазии в лице Украинской петлюровской директории, они также в дальнейшем будут беспощадны по отношению всех врагов диктатуры пролетариата и беднейшего крестьянства. В общей борьбе за торжество социалистической революции железнодорожники не должны допускать никакой порчи путей, подвижного состава и зданий. К врагам революции, разрушающим транспорт, не должно быть пощады. Лица, застигнутые на месте преступления во время порчи вагонов, паровозов, путей, железнодорожных сооружений и т. п., будут беспощадно расстреляны».

Да, время суровое. Против Советской власти, победившей на юге Украины, поднялись все вражеские силы. Притаившиеся до времени помещики и кулаки создавали банды. Участились нападения на железнодорожные станции и поселки. Контрреволюция неоднократно устраивала провокации и в Николаеве. Усилилась враждебная агитация в частях Николаевского гарнизона, а также среди матросов флотского полуэкипажа, пребывающих на берегу, в казармах. В начале апреля городской военкомат объявил о призыве граждан 1896—1899 годов рождения на военную службу, чтобы «отразить натиск контрреволюционного и международного империализма». Однако среди обывателей эта мера вызвала взрыв недовольства. 10 апреля 1919 года органы ЧК арестовали группу лиц, собиравших деньги в пользу Добровольческой белой армии. Их возглавлял директор Государственного банка Зборомирский. Тогда Николаевский исполком и уполномоченный Советского правительства Украины товарищ И. С. Скляр вынесли решение о том, что

виновные в выступлениях против Советской власти будут расстреливаться.

Оживление контрреволюционной деятельности, грабежи, разрушение железных дорог, попытки бандитов проникнуть в город побудили исполком создать военный совет по охране и обороне города, в который вошли Ряппо, Чумаков, Абашидзе, Рожанский, Зайцев и командир спартаковского отряда Юнг.

Трудное сейчас положение в Николаеве. А легче ли было год назад, весной восемнадцатого? Герасимов часто вспоминал то, что пришлось пережить тогда.

...Советская власть в Николаеве была провозглашена 14 января 1918 года. Спустя несколько дней начались бои между красногвардейцами и сторонниками буржуазно-националистической Центральной рады, захватившей власть в Киеве. Первые четыре сотни гайдамаков прибыли в город из Одессы еще 2 декабря 1917 года, чуть позже пришло пополнение из Киева.

Горячая перестрелка завязалась на Спасской улице. Рабочие, вооруженные пулеметами, заняли выгодную позицию на крыше гостиницы «Лондонская» и держали под прицельным огнем гайдамацкие казармы. С огромными усилиями красногвардейцы отвоевывали каждую улицу, каждый квартал.

Однако противник был лучше организован, имел больше оружия.

На рассвете 22 января 1918 года конный красногвардейский отряд под командованием донского казака Андрея Золотухина вел упорный бой с гайдамаками. Враг поначалу отступил. Но возле церкви на Малой Морской отряд был встречен пулеметным огнем с колокольни. Видя, что наступление захлебнулось, Золотухин выхватил шашку, повернулся на стременах лицом к отряду, крикнул: «Красногвардейцы! На вас смотрит вся Россия, весь мировой пролетариат! Вперед за мной!» — и тут же был сражен пулеметной очередью.

Несколько бойцов мгновенно соскочили с коней, перебежали площадь, стремительно поднялись по узкой лесенке колокольни, схватили всех, кто находился у пулемета, сбросили вниз. Так они отомстили за смерть своего боевого командира.

Вместе с красными конниками город очищали от врагов матросы флотского полуэкипажа и солдаты 45-го пехотного запасного полка.

В те же дни приняли боевое крещение красногвардейцы-железнодорожники. Их отряд был создан незадолго до развернувшихся событий. Председатель ревкома Николаевского узла Петр Герасимов, организовавший здесь по поручению Харьковского большевистского центра Юго-Западной дороги первую партийную ячейку, собрал в отряд самых верных товарищей. В него вошли большевики Федор Похилько, Кузьма Иноземцев, Алексей Нестройный, Максим Подварский и другие. Председателю ревкома удалось склонить на сторону большевиков писаря комендатуры Николая Козловского. Он-то и помог добыть винтовки и патроны. Оружие, вынесенное из комендантского сарая, тут же было роздано членам большевистской ячейки. Но четырех десятков винтовок, имевшихся в отряде, оказалось недостаточно. К тому же далеко не все умели обращаться с оружием. За обучение взялся кузнец Романюк, вернувшийся с германского фронта. Он оказался хорошим учителем. Когда пришло время сражаться, отряд был вполне боеспособен.

Возглавляемый Герасимовым, он выбил противника из железнодорожного вокзала, овладел телеграфом, техническим постом, другими станционными помещениями. В этом бою проявил храбрость и хладнокровие Максим Подварский. Под ружейным огнем гайдамаков он взобрался на крышу вокзала, где висел желто-голубой флаг Центральной рады, сорвал его. И вот уже над привокзальной площадью затрепетало красное знамя революции.

Гайдамаков изгнали из города. Однако, чтобы освободить железнодорожные станции и прилегающие к ним села, николаевским красногвардейцам пришлось проехать по направлению от Елизаветграда до Знаменки. Дорогу удалось очистить после нескольких острых стычек.

Железнодорожники должны были каждую минуту быть начеку. Они несли охрану станции, готовые отразить вражеские вылазки. Хлопцы все боевые, как на подбор — Сорокин, Романюк, Ольшевич, Максимов, Годованников, Кравченко. Под контролем красногвардейцев постоянно находились телеграф, технический пост, другие службы.

Однажды, обходя станционные пути, Герасимов, Нестройный, Подварский и Кондратенко увидели выезжавший из депо паровоз.

— Куда это он? — Герасимов насторожился, он узнал машиниста Ивана Тимченко, сочувствовавшего националистам.

— Только что стоял в ремонте! — удивился и Алексей Нестройный.

Они выстрелили несколько раз в воздух. Тимченко остановил паровоз не сразу.

— Мне надо ход проверить, — пробурчал он, не глядя в глаза.

Когда поднялись на паровоз, в тендере под дровами обнаружили пулемет, несколько винтовок, ящик патронов. Все это предназначалось гайдамакам, укрывшимся в близлежащих селах.

— Во что бы то ни стало их надо нейтрализовать, а еще лучше — перетянуть на нашу сторону, — сказал Петру Герасимову Иосиф Александрович Кристаловский, комиссар Одесского отдела Юго-Западной железной дороги. Кристаловский прибыл из Петрограда, где принимал участие в штурме Зимнего дворца, слушал в Смольном В. И. Ленина. Теперь, разъезжая по станциям и

городам южной Украины, он рассказывал о первых декретах Советской власти, о революционных событиях в стране. К Иосифу Александровичу прислушивались, авторитет его бесспорен. С огромным опытом подпольной работы, старый искровец, он в Одессе до революции руководил марксистскими кружками. Многих знает и в Николаеве — еще в 1903 году ему пришлось здесь скрываться от преследования полиции.

— Необходимо чаще встречаться с простыми селянами, разъяснять им политику нашей партии, — убеждал Кристаловский. — Их обманывают националисты, морочат им головы, натравливают на нас. Сегодня же отправляюсь в гайдамацкие курени.

— Что вы, Иосиф Александрович, это очень рискованно, — остерег Герасимов, видевший гайдамаков в бою, ожесточенных, озлобленных. — Ведь они считают, что большевики пришли отнять у них землю, имущество, жен и детей. Да они вам и слова не дадут сказать.

— Все зависит от того, как говорить. Люди чувствуют, когда ты беседуешь с ними искренне, правдиво. А гайдамаки тоже бывают разные. Есть среди них кулаки, а есть и крестьяне-середняки. Многого они не понимают по своему невежеству. Гордятся, скажем, названием «гайдамак», а, наверное, не знают, что по-турецки это «разбойник», «грабитель». — Кристаловский говорил размеренно, невозмутимо, а когда хотел выделить слово, мысль, приостанавливался; слушатель ждал, что же дальше, поневоле задумываясь над сказанным. — Главное, в каждом из гайдамаков сидит мужик. Значит, их должен заинтересовать Декрет о земле.

Несмотря на протесты Кристаловского, Герасимов послал с ним красногвардейцев. С беспокойством ждал возвращения; вышагивая по перрону, вглядывался в даль. Уже глубокой ночью услышал перестук паровозных колес. Искренне обрадовавшись, пошел навстречу Кристаловскому.